

Джеймс Джойс

ДУБЛИНЦЫ
♦
ПОРТРЕТ
ХУДОЖНИКА
В ЮНОСТИ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)-44
Д 42

James Joyce
DUBLINERS. A PORTRAIT OF THE ARTIST AS A YOUNG MAN.
STEPHEN HERO

Перевод с английского Сергея Хоружего
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Татьяны Павловой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Джойс Дж.

Д 42 Дублинцы. Портрет художника в юности / Джеймс Джойс ; пер. с англ. С. Хоружего. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 736 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-27042-8

Джеймс Джойс — классик англо-ирландской литературы, оказавший колоссальное влияние на прозу XX века. В историю мировой литературы он вошел как автор романа «Улисс», признанного вершиной модернизма и положившего начало литературе «потока сознания».

Сборник «Дублинцы» начинался как серия рассказов для журнала «Ирландская усадьба», и первые из них были опубликованы под псевдонимом Стивен Дедал. В дальнейшем это имя будет носить герой романов «Улисс» и «Портрет художника в юности», альтер эго писателя в пространстве его произведений. «Дублинцы» — первое зрелое творение Джойса, отразившее его импрессионистскую манеру письма, и первое реалистичное произведение ирландской литературы XX века, знаменующее новый этап в развитии англоязычной новеллистики, сравнимый со значением прозы Чехова для русской литературы.

Роман «Портрет художника в юности» во многом автобиографичен, и с необычайной, порой болезненной остротой и яркостью рисует внутренний мир молодого человека, одинокого поэта и философа.

Роман «Герой Стивен» Джойс не окончил, перенеся некоторые части в «Портрет художника в юности», а некоторые уничтожив. Повесть опубликована посмертно в 1944 году и при всей своей незавершенности является самостоятельной вехой в творчестве писателя, важной для понимания его творческого поиска.

Большой интерес для читателей писателя, желающих прикоснуться к истокам его творчества, представляет сборник «Эпифании» — наброски и зарисовки, в дальнейшем получившие развитие в более поздней прозе Джойса.

Тексты публикуются в переводе Сергея Хоружего с подробными комментариями.

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)-44

- © С. С. Хоружий (наследники), перевод, статья, комментарии, 2011
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-27042-8

1 (1).

[Брэй: в гостиной дома на Мартелло-Террас]

Мистер Вэнс (*входит с тростью*): ...Он, знаете ли, должен извиниться, миссис Джойс.

Миссис Джойс: Должен, вы правы... Джим, ты слышишь?

Мистер Вэнс: А то прилетят коршуны, ему глаза расклюют.

Миссис Джойс: Нет-нет, он конечно извинится, иначе ведь его в рай не возьмут...

Джойс (*к самому себе, под столом*):

Глаза расклюют,
В рай не возьмут,
В рай не возьмут,
Глаза расклюют.

В рай не возьмут,
Глаза расклюют,
Глаза расклюют,
В рай не возьмут.

2.

Завтра занятий нет: субботний вечер, зима, я сижу у камина. Они скоро уже вернутся со всякой едой, мясо, овощи, чай и масло и хлеб, и белый пудинг, который ворчит в кастрюле... Сижу и читаю про Эльзас, переворачиваю желтые страницы, рассматриваю мужчин и женщин в странных нарядах. Мне нравится читать про их обычаи; кажется как будто я через них прикасаюсь к жизни страны как будто у меня общение с немецким народом. Драгоценнейшая иллюзия, друг моей юности! В него я вкладывал образ меня самого. Наши жизни остаются священны в их сокровенных симпатиях. Я с ним по ночам когда он читает книги философов или какую-нибудь повесть о старине. Я с ним когда он бродит один или

с кем-то кого он никогда не видел, с той девушкой, что обвивает его своими руками не знающими ничего дурного дарует свою простую и щедрую любовь, слыша душу его и ей отвечая он не ведает как.

3.

Праздник окончен, последние расходящиеся по домам дети одеваются. Рейс последний. Гнедые облезлые лошадки знают это и потряхивают бубенчиками, в ясную ночь посылая вразумление о том. Кондуктор разговаривает с вожатым, и оба то и дело кивают головами в зеленом свете фонаря. Вокруг никого. Мы как будто прислушиваемся, я на верхней ступеньке, она на нижней. Пока мы разговариваем, она много раз поднимается на мою ступеньку и снова спускается на свою, а раз или два остается рядом со мной, забыв сойти вниз и сходит лишь погода... Пусть так, пусть так... Теперь она уж не задается передо мной своим платьем, нарядным пояском, длинными черными чулками, потому что теперь мы как будто знаем (мудрость детей) что такой конец нам больше понравится чем любой ради которого мы трудились.

4 (5).

[Дублин: на Маунтджой-сквер]

Джойс (*подводит итог*)... Значит это будет сорок тысяч фунтов.

Тетя Лили (*со смехом*): Сусе! ... Я вот тоже была такая... Когда я была девочка я просто уверена была что выйду замуж за лорда... или в таком роде...

Джойс (*в размышлении*): Это она никак сравнивает себя со мной?

5.

На верхнем этаже старого темнооконного дома: в узкой комнате отблески огня из камина: за окном сумерки. Старушка возится, готовит чай; говорит про изменения, про всякие странности у нее, и что священник сказал и что врач... Я слышу ее слова издали. Я брожу среди углей очага, по тропам приключений... Господи! А что это в тамбуре? ... Череп — обезьяна; существо привлеченное к огню, к голосам: бессмысленное существо.

- Это Мэри-Элин?
- Нет, Элиза, это Джим...
- А... Добрый вечер, Джим...
- Тебе чего-то надо, Элиза?..
- Я думала, это Мэри-Элин... Я думала ты это Мэри-Элин, Джим...

6.

Небольшое поле заросшее сорняками и чертополохом населено смутными фигурами, полулюди, полукозлы. Волоча длинные хвосты они передвигаются туда и сюда, угрожающе. Лица у них с жидкими бороденками, заостренные, каучуково-серые. Тайный личный грех направляет их, собрав их сейчас, как бы в ответ, к постоянному злорадству. Один кутается в рваный фланелевый жилет, другой скулит без конца когда его бороденка застревает в колючках. Они движутся вокруг меня, окружают меня, тот старый грех делает их глаза острыми и жестокими, со свистящим звуком они медленно кружат по полю, ужасающие морды задраны кверху. Спасите!

7.

Пора уходить — завтрак уже готов. Но прочитаю еще молитву... Есть хочется, но хочется и оставаться здесь в этой тихой часовне где месса началась и окончилась так тихо... Радуйся, Пресвятая Царица и Всемиловитая Матерь, жизнь наша, наше тепло и надежда! Уповаю что завтра и потом всякий день я буду приносить в дар тебе благие дела ибо знаю что порадует тебя если буду делать так. А сейчас прощай... О, прекрасный свет солнца на улице и — О, свет солнца в сердце моем!

8.

Небо покрыли серые облака. На развилке трех дорог у заболоченной полосы берега валяется большая собака. Время от времени она задирает морду и издает долгий печальный вой. Люди останавливаются на нее взглянуть и идут дальше, некоторые задерживаются привлеченные, быть может, этим плачем, в котором они слышат как будто эхо собственной своей скорби имевшей некогда голос но теперь безгласной, прислуживающей трудовым будням.

9 (12).

[Маллинггар: июльское воскресенье, полдень]

Тобин (*звучно ступая в тяжелых башмаках и стуча по мостовой посохом*): ...Чтоб парню остепениться, вернее женитьбы не придумаешь. Я пока сюда не попал в «Икземинаер», я и с дружками погуливал и попивал... А теперь у меня дом хороший и... вечером уже ты идешь в свой дом... ну а захочешь выпить — что же, можешь и выпить... Совет мой каждому молодому парню, кто это может себе устроить, — женись молодым.

10 (13).

[Дублин: в «Оленьей голове» на Дэйм-лейн]

О'Мэхони: А у вас есть там такой маленький священник что занимается поэзией, отец Рассел?

Джойс: Есть, есть... Я слышал, он писал стишки.

О'Мэхони (*с понимающей улыбкой*): Вот-вот, стишки... Это самое для них правильное слово...

11 (14).

[Дублин: в доме Шихи на Бельведер-плейс]

Джойс: Я знал, что вы имеете в виду его. Только вы с возрастом ошиблись.

Мэгги Шихи (*наклоняется вперед, чтобы говорить со всей серьезностью*): Ну а сколько же ему?

Джойс: Семьдесят два.

Мэгги Шихи: Правда?

12 (16).

[Дублин: в доме Шихи на Бельведер-плейс]

О'Рейли (*становясь серьезным*): Так, кажется, моя очередь... (*со всей серьезностью*)... Кто ваш любимый поэт?

(пауза)

Ханна Шихи: ...Немецкий?

О'Рейли: ...Да.

(молчание)

Ханна Шихи: Я думаю... Гёте...

13 (19).

[Дублин: в доме Шихи на Бельведер-плейс]

Фоллон (*проходя мимо*): Мне сказали, чтобы я особо поздравил вас по случаю вашего выступления.

Джойс: Благодарю вас.

Блейк (*после паузы*): Я никому бы и никогда не посоветовал этого... Нет, это ужасная жизнь!..

Джойс: Ага.

Блейк (*между двумя затяжками*): Конечно... тут все отлично на вид... для тех, кто не знает... Но если б вы знали... это просто ужасно. Огарок свечи, никакого... ужина, убогая... бедность. Вы просто не представляете себе...

14 (21).

[Дублин: в доме Шихи на Бельведер-плейс]

Дик Шихи: Это как это ложь? Господин спикер, я должен попросить...

Мистер Шихи: К порядку, к порядку!

Фоллон: Вы знаете, что это ложь!

Мистер Шихи: Вам следует взять эти слова обратно, сэр.

Дик Шихи: Как я уже говорил...

Фоллон: Нет, я их не возьму обратно.

Мистер Шихи: Я призываю достопочтенного депутата от Денби... К порядку, к порядку!..

15 (22).

[В Маллингаре: осенний вечер]

Хромой нищий (*стискивая свою палку*): ...Так это вы мне вчера кричали вдогонку, вы.

ДЖЕЙМС ДЖОЙС

Два мальчугана (*установившись на него*): Нет, сэр.

Хромой нищий: Я знаю, это вы были... (*махая угрожающе палкой*)... Зарубите себе, что я вам говорю... Видите эту палку?

Два мальчугана: Да, сэр.

Хромой нищий: Так вот, если будете еще мне кричать, я вас этой палкой распотрошу. Я вам отобью все печенки... (*разъясняет свои слова*)... Слыхали? Распотрошу вас. Отобью вам все нутро, все печенки.

16 (26).

Белый туман выпадает снежными хлопьями. Тропа меня выводит к полутемному пруду. В пруду что-то движется, какой-то полярный зверь с грубой рыжей шкурой. Я тыкаю своей тростью и когда он вылезает из воды, я вижу, что у него покатая спина и что он очень неуклюж. Я не пугаюсь и, тыкая в него быстро тростью, гоню его впереди себя. Он тяжело переставляет лапы и бормочет слова на каком-то языке, которого я не понимаю.

17 (28).

[Дублин: в доме Шихи на Бельведер-плейс]

Ханна Шихи: Конечно, будут огромные толпы.

Скеффингтон: Это, знаете ли, будет, как выразится наш друг Джокекс, триумф черни.

Мэгги Шихи (*произносит с пафосом*): Быть может, уже в этот миг чернь у наших дверей!

18 (30).

[Дублин, на Северной Кольцевой: Рождество]

Мисс О'Каллахан (*почти шепчет*): Я же вам сказала название, «Сбежавшая монахиня».

Дик Шихи (*громко*): О, я бы не стал читать подобную книгу... Я должен спросить у Джойса. Послушайте, Джойс, вам случалось читать «Сбежавшую монахиню»?

Джойс: По моим наблюдениям, в данное время происходит некоторый феномен.

Дик Шихи: Какой феномен?

Джойс: О... появляются звезды.

Дик Шихи (*обращаясь к мисс О'Каллахан*): Вам не случилось ли наблюдать, как... в данное время на кончике носа у Джойса появляются звезды? ... (*она улыбается*) ... Ибо по моим наблюдениям сейчас происходит этот феномен.

19 (42).

[Дублин: в доме на Гленгарифф-пэрейд, вечер]

Миссис Джойс (*появляется на пороге гостиной, трясущаяся, багровая*): Джим!

Джойс (*за пианино*): Что, мама?

Миссис Джойс: Ты что-нибудь знаешь про тело? ... Что надо делать? ... Там что-то такое течет у Джорджи из отверстия в животе... Ты не слышал никогда, чтобы такое случилось?

Джойс (*с удивлением*): ...Не знаю...

Миссис Джойс: Надо наверно за врачом, как ты думаешь?

Джойс: Не знаю... Какое отверстие?

Миссис Джойс (*начиная раздражаться*): Отверстие, которое у нас всех... тут (*показывает*).

Джойс (*поднимается*).

20.

Все заснули. Я встану сейчас... Он лежит на моей постели, где прошлую ночь я лежал: его накрыли простыней, на глаза положили ему монетки... Бедный малыш! Мы часто с ним вместе хохотали, он так легко носил свое тельце... Как мне жаль, как жаль что он умер. Я не могу молиться за него как другие... Бедный малыш! А все остальное так непонятно!

21 (44).

Двое участников похорон проталкиваются сквозь толпу. Девочка, держась ручонкой за платье женщины, бежит впереди. Лицо

девочки бесцветное как у рыбы, со скошенными глазами; лицо женщины небольшое, квадратное, лицо барышницы. Девочка, искривив рот, глядит на женщину снизу вверх, понять, не время ли плакать; женщина, поправляя плоскую шляпку, спешит к кладбищенской часовне.

22 (45).

[Дублин: в Национальной библиотеке]

Скеффингтон: Я с такой печалью узнал о смерти твоего брата... мы, к сожалению, слишком поздно услышали... не могли быть на похоронах.

Джойс: О, он еще был маленький... совсем мальчик...

Скеффингтон: И все-таки... это причиняет боль...

23.

Тут нет танцев. Выйди вперед, мальчуган, станцуй для них... Он выбегает вперед, гибкий, одетый в темное, серьезный оттого что танцует перед всеми. Музыка для него нет. Он начинает свой танец совсем внизу, в амфитеатре, плавными и медленными движениями, раздельно от одного движенья к другому, со всею грацией юности и чуждости, и вскоре он уж кажется вихрем, паучком, закруживающим свою паутину в пространстве, звездой. Меня тянет крикнуть ему какие-то слова восторга, вызывающе прокричать над головами толпы: «Глядите! Глядите!» ... Его танец это не танец шлюх, не танец дочерей Иродиады. Он исходит из недр народа, внезапный, молодой, мужественный, и падает обратно на землю, сотрясаясь в рыданиях, и умирает среди своего торжества.

24.

На минуту она положила руку мне на колени, потом сняла, и взгляд ее на минуту раскрыл ее — таящуюся и сторожкую, сад, стеной обнесенный. Я помню эту гармонию красного и белого, что создана была для такой как она, славословя ее, призывая ее, наре-

ченную невесту, восстать для обручения и двинуться в путь, с вершины Аманы, от гор барсовых¹. И помню я тот ответ, что вобрал в себя всю совершенную и нежную чуткость тела и души и все тайны ее: *Inter ubera mea commorabitur*².

25.

Быстрый и легкий ливень прошел, замешкавшись алмазной гроздью среди кустов на прямоугольнике двора, где подымался пар от почерневшей земли. В колоннаде апрельская девичья компания. Они покидают убежище, поглядывая наружу с сомнением, шелестя тонкими башмачками, мило оберегая юбки и направляя под искусно выбранными углами легкое вооружение зонтиков. Они возвращаются в монастырь — в строгие коридоры, простые дортуары, тихие четки часов — услышав прекрасные посулы Весны, посланницы благодатной.

Посреди дождеомытой равнины высокое простое здание с окнами, едва пропускающими сумрачный свет дня. Триста шумливых и голодных мальчишек сидят за длинными столами, поедая говядину с каемкой зеленого жира и овощи, что еще отдают землей.

26.

Она обручена. Она с ними танцует в хороводе — белое платье слегка развеивается в танце, в волосах ветка белых цветов; глаза смотрят чуть в сторону, на щеках легкий румянец. На мгновение ее ручка в моей руке, будто изящнейшая покупка.

- Вы сейчас так редко сюда приходите. —
- Да, я превращаюсь в затворника. —
- А я встретила как-то вашего брата... Он так похож на вас. —
- В самом деле? —

Она с ними танцует в хороводе — плавно, неуловимо кружа, не отдаваясь никому. Белая ветка слегка сбивается во время танца, и когда она в полосе тени, румянец на ее щеках кажется ярче.

¹ Парафраз Песн. 4: 8.

² У груди моих пребывает (*лат.*). Песн. 1: 12.

27.

Чуть слышно, под тяжким покровом летней ночи, чрез безмолвие града, чьи сны сменились тяжким сном без сновидений, подобно усталому любовнику, которого не трогают больше ласки, по дублинской дороге доносится стук копыт. Звуки приближаются к мосту, стали слышней — и в тот миг, когда они мчатся мимо темных окон, безмолвие прорезает будто стрела тревога. Теперь они уже слышны вдалеке, копыта алмазами сверкнули под тяжким покровом ночи, стремясь среди притихших серых болот — к какой цели странствия? — к чьему сердцу? — и с какими вестями?

28.

Слабо поблескивают волны в безлунной ночи. Корабль входит в гавань, где светятся кой-где огоньки. Море беспокойно, в нем накопившийся темный гнев, словно глаза зверя, который готов к прыжку, который во власти мучительного голода. По побережью плоская равнина с редкими деревьями. На берегу столпилось много народа, они глазают, что за корабль входит в их гавань.

29.

Длинная загибающаяся галерея. С пола поднимаются как столбы темные испарения. Множество каменных изваяний каких-то легендарных королей. Их руки устало сложены на коленях, их взоры застланы, потому что пред ними как темные испарения без конца поднимаются заблужденья людей.

30.

Зов рук и голосов: белые руки дорог, их обещания тесных объятий и черные руки высоких кораблей, неподвижно застывших под луной, их повесть о дальних странах. Их руки тянутся ко мне, желая сказать: мы одни — приди. И голоса вторят им: мы народ твой. И в воздухе делается тесно от их скопления, они взывают ко мне, своему сородичу, готовясь в путь, расправляя крылья юности, ликующей и пугающей.

31.

Тут мы сошлись все вместе, странники, тут мы обитаем среди запутанных улочек, укрытые плотно молчаньем и ночью. Мы здесь в дружестве и покое и совершенном довольстве, убрав из памяти всю непрямоту тех путей, какими ходили мы. Но что надвигается на меня из тьмы, мягко и шепчуще как поток, страстно и бурно, с непристойными движеньями чресл? Что вырывается из меня с ответным криком, как орел отзывается орлу в полете, с криком победным, криком, взывающим о жесточайшей покинутости?

32 (52).

Толпа людей сгрудилась в загончике, топчутся по грязи. Проходит толстуха, юбки до неприличия подняты, уткнулась физиономией в апельсин. Бледный парень без пиджака, с лондонским акцентом, делает фокусы, прихлебывает из бутылки. Маленький старичок, у него на зонтике мыши; полицейский в тяжелых башмаках бросается и хватает зонтик: маленький старичок исчезает. Букмекеры выкрикивают имена, ставки, один вопит детским голоском: «Красавчик!», «Красавчик!» ... Сгрудившиеся в загончике человеческие создания топчутся туда и сюда в густой слякоти. Некоторые спрашивают, идут ли скачки, им отвечают «Да» или «Нет». Оркестр заиграл... Вдали на солнце посверкивает прекрасный вороной конь с желтым наездником.

33.

По две или по три они фланируют среди бульварного оживленья с походкой людей, проводящих свободное время в местах, что освещаются специально для их прогулок. Вот они в кондитерской, болтают, поедают маленькие булочки или молча сидят за столиками кафе ближе к выходу или спускаются из фиакров, и их одеяния шуршат деловито и мягко как голос прелюбодея. Они фланируют в надушенном воздухе, и их надушенные тела распространяют запах теплый и влажный... Ни один мужчина их не любил, и они сами не любили себя: они не давали ничего за все то, что давалось им.

34 (56).

Она приходит в ночи, когда город стихает; она невидима и неслышима, и не была призвана ничьим зовом. Она приходит из старого своего обиталища навестить самого смиренного из своих сыновей, самая чтимая из матерей, словно он никогда от нее не отчуждался. Ей ведомы все глубины сердца и поэтому она нежна, она не требует и не укоряет, говоря: я умею чувствовать перемену, влияния воображения в сердцах у моих детей. Кто жалеет тебя, когда тебе тоскливо среди чужих? Годы и годы я любила тебя, когда носила тебя во чреве.

35 (57).

[Лондон: в заведении на Кеннингтон]

Ева Лесли: Ну да, Моды Лесли сеструха мне а Фред Лесли брат — ты-то вот небось не слышал про Фреда Лесли?.. *(мечтательно)* ... У-у, а он знашь та-акой хер беложопай... Ну щас-то нету ево...

(погода)

Я ж те балакала как один со мной кончил десять разов за ночьку... Так то он, Фред, родной братуха мой Фред... *(мечтательно)* ... Из себе красавчик... Ух, уж кого люблю — Фреда...

36 (59).

Да, они сестры. Та, что взбивает мощными руками (их масло славится), выглядит мрачной и расстроенной — другая довольна, потому что поставила на своем. Ее зовут Р.. Рина. Я знаю, как на их языке глагол «быть».

— А вы Рина?

Я знал, что она Рина.

Но вот и он сам в сюртуке с фалдами, в старомодном цилиндре. Не обращает внимания на них: шествует мелкими шажками, отводя фалды сюртука. ... Боже милостивый, какой же он небольшой! Наверняка, он уже очень стар, тщеславен. ... Может быть, он совсем и не то что я... Смешно, эти две крупные женщины рассорились из-за такого небольшого человечка. Но, простите, он самый великий человек в мире. ...

37 (65).

Я улегся на палубе напротив машинного отделения, откуда шел тепловатый запах смазки. Под французскими скалами гуляют гигантские туманы, окутывая берег от мыса до мыса. Шум моря словно шорох несметной чешуи... За туманными стенами, в темном кафедральном соборе Богоматери я слышу звонкие слаженные голоса мальчиков, поющих там перед алтарем.

38 (70).

[Дублин: на углу Коннахт-стейшн, Фибсборо]

Маленький мальчик (*у садовой калитки*): ...Не-е...

Первая девушка (*став на одно колено, берет его за ручку*):
Ну тогда ты Мейби больше всех любишь?

Маленький мальчик: Не-е...

Вторая девушка (*наклоняется над ним, поднимая взгляд*):
Кого ж ты больше всех любишь?

39 (71).

Она стоит, слегка придерживая у груди книгу, читает урок. На фоне темной материи ее платья ее лицо с мягкими чертами, опущенными глазами, мягко очерчивается светом; а с шапочки в складках, сдвинутой небрежно вперед, свисает кисточка на каштановые вьющиеся волосы...

Что это за урок она читает — про обезьян, про необыкновенные изобретения, а может быть, сказания о мучениках? Кто ведает, какие глубокие размышления и воспоминания пробуждает этот милый силуэт Рафаэля?

40.

[Дублин: на О'Коннелл-стрит, в аптеке Гамильтона Лонга]

Гогарти: Так это для Гогарти?

Продавец (*смотрит*): Да, сэр... Изволите заплатить сейчас?

ДЖЕЙМС ДЖОЙС

Гогарти: Нет, выпишите счет и доставьте. Адрес вам известен.

Продавец (*берет перо*): Д-да.

Гогарти: 5, Ратленд-сквер.

Продавец (*наполовину про себя, записывая*): ... 5 ... Ратленд..
Сквер.

Обыкновенно черты младенчества не передаются в портрете отроческом, ибо настолько мы переменчивы, что не можем иль не желаем представлять прошлое ни в каком ином виде, кроме чугунного мемориала. А ведь прошлое с ручательством предполагает текучую смену настоящих, развитие некой сущности, лишь одною из фаз которой служит наше теперешнее настоящее. И опять-таки мир наш осознает соприкосновение с нею разве что по признакам бороды или дюймов роста и, по большей части, отстраняется от тех из членов своих, кто тщится путем некоего искусства, некоего умственного процесса, пока еще нерасчисленного, высвободить из олицетворенных сгустков материи то, что есть их индивидулирующий ритм, первое или формальное отношение их частей. Но для им подобных портрет — не удостоверяющий документ, а скорей уж изгиб эмоции.

По общим суждениям, употребление разума предворяется приблизительно семью годами и потому нелегко установить точный возраст, в котором природная восприимчивость героя сего портрета пробудилась к идеям вечного проклятия, необходимости покаяния и действенности молитвы. Обучение рано развило в нем усиленное чувство духовных обязанностей, в ущерб тому, что именуется «здравым смыслом». Он торопился весь выложиться, будто расточительный святой, изумляя многих своим порывистым пылом и многих задевая монастырским своим обличем. Однажды в лесу неподалеку от Малахайда какой-то труженик был приведен в восхищенье зрелищем отрока лет пятнадцати, охваченного экстазом молитвы, в восточной позе. Прошло поистине немалое время, прежде нежели этот отрок уразумел природу того ходкого товара, что удобным образом позволяет отдавать должное устоям, отнюдь не изменяя

сообразно с ними собственной жизни. Пищеварительная ценность религии им никогда не ставилась высоко, и он выбирал, полагая более подходящим к своему случаю, те более бедные и смиренные ордена, в которых исповедник не тщился выказать себя, хотя бы в теории, человеком светским. И все ж, вопреки продолжавшимся срывам, постыдно низвергавшим его с захватывающих высот благочестия, в пору своего поступления в университет он еще по-прежнему обретал исцеление в духовных подвигах.

В ту же приблизительно пору, чтобы оградить свой кризис, он перед всеми и каждым напускал на себя своеобразную загадочность. Он довольно быстро сумел увидеть, что ему следует распутывать свои дела под покровом тайны, и необходимость скрытности была всегда для него легким бременем. Он избегал судачить о скандалах, проявлять любопытство к другим, и это поддерживало фактически выносимый им приговор, отчасти внося еще привкус героичности, дающий удовлетворение. Частью неискоренимого эгоизма, который позднее ему предстояло назвать искупителем, было то, что все деяния и помыслы микрокосма он воображал сходящимися к себе самому. Является ли отроческий разум средневековым, что он так прозорлив к тайным пружинам? Полевые виды спорта (или то, что аналогично им в мире умственном) суть, вероятно, самое действенное лечение, но для этого фантастического идеалиста, готового одним махом ускользнуть от сопящего виденья в бутсах, эти игры в охоту были равно смехотворны и неравны, на поле, выбранном с невыгодой для него. Но за быстро отвердевающим щитом отзывался чутко чувствительный. Пусть-ка эта свора злобностей, всхрапывающая и спотыкаясь, пожалует к нему, в его горы после своих игрищ; у него есть свои уголья: и его блестящие олени рога метали презренье им. В этом образе сквозила явная лезть себе, а добавок и опасность самодовольства. По каковой причине, пренебрегая натужным гавканьем того хора, что никакие лиги расстояний не сделают музыкальным, он принялся с высокомерием диагностировать юнцов.

Его сужденья были изящны, нарочиты и резки; его фразы пластичны. Эти юноши видели во внезапной смерти скучного французского романиста явленный нам перст Бога Эммануила; они восхищались Гладстоном, физикой и трагедиями Шекспира и верили в приложимость католического учения ко всем повседневным нуж-

дам, посредством дипломатического языка Церкви. В своих отношениях между собой и со старшими они выказывали некий нервический и — когда речь заходила о власти — чрезвычайно английский либерализм. Он заметил полувосторженное, полуосуждающее обхождение со стороны одного кружка негласно давших зарок чуждаться тех, для кого (ходил слух) разгульная жизнь не была неведомой. Хотя союз веры и отечества всегда был свят в этом мире легко воспламеняемых порывов, куплет Дэвиса с обвинениями наименее послушных натур срывал неизменный аплодисмент и едва ли память Макмануса чтилась здесь менее памяти кардинала Коллена. У них были многие основания считаться с властями; и даже если студенту запрещали сходить на «Отелло» («Там есть грубые выражения», говорили ему), насколько этот крест не был тяжек! Не было ли это скорей свидетельством чуткой заботы и внимания и не заверяли ли их в том, что в их будущей жизни эта забота продлится и внимание сохранится? По поводу действий власти могли еще иногда выражаться сомнения, но по поводу ее намерений — никогда. И кто ж тогда живой этих юношей готов откликнуться на шуточки добряка-профессора или на неотесанность мужлана-привратника, кто сильней озабочен тем, чтобы всемерно оберегать и лично превозносить честь *Alma Mater*? Со своей стороны, он был в трудном возрасте, обездоленный и нуждающийся, чувствительный ко всему, что было недостойного в подобных нравах, и принадлежащий к тем, кто по меньшей мере в мечтах знал благородство. Честнейший иезуит порекомендовал службу клерком у Гиннеса: и без сомнения, кандидат в клерки на пивоварне не питал бы к замечательному сообществу всего лишь презрение и жалость, не будь того обстоятельства, что он желал (на языке людей учености) труднодостижимого блага. Невозможным было, чтобы он нашел утешение в обществах для поощрения умственных занятий мирян или какой-нибудь еще комфорт, помимо физического, в теплом благочестивом братстве, среди скопления шальных или нелепых невинностей. В добавление, невозможным было, чтобы натура, вечно и трепетно устремленная к экстазу, решила смириться, чтобы душа предписала той своей части, над которой подобно мантии уже ниспадал образ красоты, рабскую покорность. Однажды вечером, ранней весной, стоя у подножья ступеней библиотеки, он сказал другу: «Я покинул Церковь». И по пути

ДЖЕЙМС ДЖОЙС
ДУБЛИНЦЫ
•
ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА
В ЮНОСТИ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 09.10.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 45,08. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-36043-01-R